

ИСТОРИЯ БИЗНЕСА

С. Г. Беляев

РУССКОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В КИТАЕ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье рассматриваются вопросы экономической экспансии России в Китае, показаны формы и методы ее осуществления, прослеживаются перипетии конкурентной борьбы России за китайский рынок с ее основными западными конкурентами — Англией и Германией. Исследуются причины неудач русского экономического проникновения в Китай накануне Русско-японской войны.

Образование торгово-промышленных и финансовых предприятий, а также железнодорожное строительство на иностранной территории стало значимым явлением экономической жизни начиная со второй половины XIX в. Пример Китая как объекта подобного рода экспансии показателен, поскольку в это время Цинская империя, сохраняя формальный суверенитет, оказалась вынужденной во все большей мере допускать иностранное экономическое присутствие в форме концессий, контроля над таможенными и т. д. Управление такими предприятиями во многом было отлично от того, которое практиковалось у себя европейскими державами.

Предпринимательские планы России в Китае, ставшие возможными с начала сооружения Сибирской железной дороги в 1891 г., обладали рядом весьма своеобразных особенностей, будучи основаны на казенной поддержке и преследуя цель установления в Китае русского политического влияния. В качестве главного предпринимателя в данном случае выступало государство, которое, действуя как банкир, торговец и комиссионер, добивалось достижения «государственных» целей. Происходившие в этой связи события в экономической и политической жизни Цинской империи призваны были показать, насколько присуща русскому самодержавному государству подобная роль и в какой степени оно способно ее воплотить, ины-

ми словами, — насколько конкурентоспособной будет Россия в борьбе за преобладание на китайском рынке. Эта конкурентная борьба имела, в свою очередь, важные политические последствия, поскольку стала одной из немаловажных причин Русско-японской войны, которая окончательно поставила Японию наравне с «великими державами» и явилась трамплином для развертывания ее дальнейшей агрессивной политики на Дальнем Востоке.

Рубеж XIX и XX вв. был связан с началом широкомасштабной экономической экспансии России на своих южных и юго-восточных границах, объектом которой стали в первую очередь Персия и Китай. Эта экспансия выступила составной частью политики министра финансов С. Ю. Витте — инициатора многочисленных финансовых и экономических реформ, призванных приблизить Россию в хозяйственном отношении к странам Западной Европы. Эти реформы были взаимосвязаны и стали частью «системы Витте».

Если ранее, в середине XIX в., экспансия России в Азии проводилась преимущественно военными методами и лишь только после захвата какой-либо территории и навязывания ей неравноправных соглашений, как это было в случае с Бухарой и Хивой, начиналось ее экономическое «освоение», то со второй половины 1890-х гг. преимущество стало отдаваться косвенным, экономическим методам подчинения сопредельных с Россией территорий азиатских государств. В этом смысле планы захвата Босфора, которые обсуждались в Петербурге в конце 1896 г., можно считать отголоском раннего, «военного» периода русской экспансии в Азии. Кстати, Витте был одним из наиболее решительных противников данной акции [Власть и реформы..., 1996, с. 414]. Впрочем, инициированный министром финансов «мирный» период длился весьма недолго — всего лишь до 1900 г.

Переходя к экономическим методам экспансии, Россия следовала по пути своего тогдашнего основного соперника — Англии, которая к этому времени уже успела утвердить свое экономическое влияние в Персии и Китае, хотя в последнем случае начало этому процессу было положено военным вторжением. Осуществлять свою экспансию Россия неизбежно должна была на основе раздела сфер влияния, прежде всего с той же Англией. В Персии Россия могла рассчитывать только на преобладание в северных районах, юг же оставался районом доминирования Англии. В Китае все было несколько сложнее, и конкурентная борьба носила там более изощренный характер. Английская политика в отношении России сочетала здесь самые широкомасштабные предложения раздела с угрозами военных действий по самым незначительным поводам. Русско-английское противостояние стало одной из немаловажных причин Русско-японской войны, поскольку, не заручившись поддержкой Англии, Япония едва ли осмелилась бы напасть в 1904 г. на Россию. В Персии же это противостояние закончи-

лось соглашением 1907 г., которое закрепило фактически существовавшее разделение сфер влияния. К этому времени международная обстановка кардинальным образом изменилась и Англии потребовались союзники на континенте в становившемся все более вероятным столкновении с Германией. Поэтому она была вынуждена урегулировать свои отношения с недавними соперниками — сначала с Францией, а затем и с Россией.

Следуя английскому опыту экономической экспансии как таковой, Россия перенимала и методы этой экспансии, а также средства ее осуществления. Проникновение в экономическую систему другой страны могло осуществляться как путем предоставления ей займов, так и за счет приобретения преобладающих позиций в ее торговле. Все это предусматривало формирование особых финансовых институтов. Такого рода институтами в Персии стали русский Учетно-ссудный банк Персии и английский Шахиншахский банк [Ананьич, 1975, с. 5–6], а в Китае — русский Русско-Китайский банк и английский Гонконг-Шанхайский банк. Начиналась экспансия, как правило, с железнодорожного строительства, поскольку сооружение железных дорог было необходимой предпосылкой установления торговых отношений. Одним из «основных препятствий» на пути увеличения экспорта в Китай называлось «отсутствие железнодорожной связи с ним промышленных центров России. Кроме того, так как в Маньчжурии не было не только железных, но и благоустроенных грунтовых дорог, русские купцы пользовались караванным способом доставки туда товаров. Естественно, дороговизна и крайняя медленность транспортировки отрицательно сказывались на русско-китайской торговле на Дальнем Востоке» [Романова, 1987, с. 88]. Железные дороги также были объектом косвенных инвестиций, займов, которые выпускались на западных рынках при посредничестве указанных банков. Этот способ «мирного» проникновения на чужую территорию был не нов. Еще в 1880-х гг. известный железнодорожный концессионер С. С. Поляков полагал возможным овладеть сетью железных дорог на Балканах. Это предприятие он считал ключом к установлению русского политического господства в данном районе, однако план не был осуществлен. Поляковские проекты не получили поддержки в правительственных сферах [Ротштейн, 1960, с. 222]. Более чем десять лет спустя приемы, схожие с поляковскими, взяло на вооружение возглавлявшееся Витте русское Министерство финансов.

При всем сходстве, стратегия русской экспансии в значительной степени отличалась от той, что проводилась Англией. Если основные инструменты английской политики — банки — были частными акционерными обществами, которые получили от правительства определенные «привилегии», то русская политика проводилась по преимуществу или полностью на казенные средства. Это соответствовало общему курсу министра финансов

Витте, который предполагал осуществить модернизацию русской экономики за счет средств государственного бюджета. «Восточная политика» Витте была частью данного курса. Министр финансов, вынужденный обращаться к западноевропейским финансовым рынкам, предполагал покрытие соответствующих бюджетных расходов за счет прибылей, получаемых от «восточной» торговли [Власть и реформы..., 1996, с. 414].

Приобретенный казной у известного предпринимателя С. С. Полякова Учетно-ссудный банк Персии был полностью казенным учреждением и фактически являлся филиалом русского Государственного банка в этой стране [Ананьич, 1975, с. 6]. Что касается Русско-Китайского банка, то в нем, наряду со средствами русского Министерства финансов, имелась значительная доля французского капитала. Однако очень скоро руководство делами этого банка в Китае практически полностью перешло к России. Парижские банки, которые вложили в это учреждение свои капиталы, были вынуждены смириться с тем, что банк осуществляет политику русского финансового ведомства. Все попытки воспрепятствовать такому ходу дел, которые предпринимались в первые годы существования Русско-Китайского банка, не принесли своим инициаторам успеха.

Основным предприятием русского правительства в Китае явилось строительство Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), ставшей проложенным по китайской территории продолжением Сибирской железной дороги. Капитал принадлежал Русско-Китайскому банку, а фактически — Министерству финансов. Такую схему Витте считал вполне удобной. Она позволяла ему маневрировать, выдавая при случае Русско-Китайский банк и его предприятия в Китае за сугубо «частные» и одновременно имея полную возможность руководить ими из Петербурга. Кроме того, Министерство финансов получило возможность устанавливать на КВЖД по своему усмотрению тарифы на перевозку товаров, что позволило превратить эту дорогу в удобное средство русской торговой экспансии в Китае, на что собственно и рассчитывал Витте. Все это стало результатом русско-китайского Московского договора 1896 г. [Романов, 1928, с. 111–113].

Впоследствии Россия обзавелась «собственным» торговым портом в Желтом море — Даляньванем, переименованным по предложению Витте в «Дальний». Этот анклав также нужно было соединить с русской территорией железнодорожным путем. В дальнейшем Витте, в частности в своих «Воспоминаниях», всячески открещивался от того, что проводившая именно им при помощи Русско-Китайского банка «мирная» политика в Китае стала одной из основных причин Русско-японской войны, хотя как раз в этом здесь и заключаются истоки противостояния, закончившегося в 1905 г. «Витте выкроил себе на Дальнем Востоке целое царство, — писал в своих воспоминаниях В. И. Гурко, — имеющее все атрибуты самостоятель-

ного царства, как то: собственное войско, именовавшееся Заамурской пограничной стражей и прозванное обывателями, по имени жены Витте, Матильдиной гвардией, собственный флот, а главное, собственные финансы, так как благодаря прикрепленной ко всем этим предприятиям маске частного дела государственными средствами, на которые они действуют, Витте распоряжался без соблюдения сметных и иных правил расходования казенных сумм» [Гурко, 2000, с. 310].

Маньчжурия, по территории которой пролегла КВЖД, стала сферой русского преобладания в Китае, чего не оспаривали даже в Лондоне, где сперва стремились договориться с Россией. Столкновения начались, когда Витте, который полагал, что экономическое подчинение Маньчжурии должно лишь предварить русскую экспансию в Китай, стал использовать Русско-Китайский банк для расширения русской зоны влияния и включения в нее провинций, сопредельных с Маньчжурией, прежде всего тех, которые граничили с английской зоной влияния. Россия стала участвовать в финансировании железнодорожного строительства и тесно связанных с ним разработок полезных ископаемых на всей территории Китая, в частности в провинции Шаньси, где русская активность была настолько велика, что возникли опасения, что эту провинцию постигнет участь Маньчжурии. Русско-Китайский банк был также соискателем в деле сооружения международных консорциумами железных дорог Пекин — Ханькоу, Пекин — Тяньцзинь, а также Северо-Китайской (Шанхайгуаньской) железной дороги, что было особенно болезненно воспринято в Лондоне, поскольку эта дорога была призвана соединить Маньчжурию с Чжилийской провинцией и могла стать потенциальной угрозой для английской экспансии в долине Янцзы, которая с 1898 г. считалась зоной английского преобладания [Гримм, 1927, с. 114–115]. Права, полученные Англией на эту китайскую область, были довольно неопределенными, и поэтому опасения Лондона за ее безопасность могли считаться вполне обоснованными.

Со своей стороны, китайские власти, от которых зависело предоставление концессий, пытались, иногда и не без успеха, играть на противоречиях между соискателями этих концессий. Во всяком случае, Китай не был безучастным наблюдателем проникновения на свою территорию европейского и американского капитала, будь то в форме концессий, займов или учреждения на китайской территории иностранных банков и фирм. В свою очередь, иностранные предприниматели привлекали провинциальных китайских чиновников в создаваемые акционерные общества в качестве администраторов и акционеров. Во многих таких обществах представители китайских провинциальных властей являлись более или менее номинальными руководителями. «Прорусски» и «проанглийски» настроенные китайские администраторы таких обществ становились посредниками между

Русско-Китайским или Гонконг-Шанхайским банками и центральными властями в Пекине. Иногда в этих предприятиях принимали участие и столичные китайские чиновники. Подобного рода система была необходимым элементом успешного ведения дел иностранцами в Цинской империи.

Конкуренция в сфере финансирования железнодорожного строительства в Китае в конце XIX в., разумеется, имела место не только между Россией и Англией, хотя последняя, несомненно, располагала преобладающими позициями в этой области. В борьбе за железнодорожные концессии участвовали также и другие державы — Германия, Франция, Бельгия, США. Нельзя отождествлять политику той или иной западной державы в Китае и те действия, которые предпринимались финансовыми учреждениями. Последние по преимуществу преследовали собственные цели, связанные с их экономическими интересами. Правительства могли регулировать деятельность этих учреждений, лишь оказывая тому или иному из них поддержку и покровительство через своих дипломатических представителей, что было весьма важно, поскольку первые приобретали возможность быстрее добиться своих целей и получить искомые концессии, выделение которых зависело от китайских властей. Здесь следует также учитывать противоречия, иногда весьма серьезные, между центральными китайскими властями и губернаторами провинций с их значительной степенью фактической независимости от Пекина. Эти противоречия давали западным представителям дополнительные возможности для маневра.

Система отношений между западными правительствами и их финансовыми и коммерческими представительствами в Китае, с одной стороны, и русским правительством и его представителями — с другой, имела как преимущества, так и слабые стороны. Скажем, отсутствие прямого подчинения Гонконг-Шанхайского банка английским властям позволяло проводить самостоятельную политику, которая могла не во всем соответствовать политике английского правительства. Банк мог вступать и вступал в соглашения со своим русским конкурентом — Русско-Китайским банком, тогда как английская дипломатия в Китае изъяснялась с русской стороной почти исключительно враждебно. При этом подобного рода относительная независимость Гонконг-Шанхайского банка позволяла ему достигать значительных финансовых успехов, которые не могли не соответствовать целям английской политики.

Подчиненность Русско-Китайского банка Министерству финансов позволяла использовать его всецело в целях осуществления правительственной политики, однако отсутствие свободы в принятии решений иногда приносило ущерб финансовой деятельности русского учреждения и, следовательно, русской политике в Китае. Такое положение вещей стало давать о себе знать уже через несколько лет после образования банка и в полной мере сказалось

на его деятельности после поражения России в войне с Японией, когда Русско-Китайский банк практически пришел в полный упадок.

Следует отметить, что этатистская направленность экономической политики Витте была не только выражением его убеждений, по крайней мере — официальных, в преимуществе самодержавного образа правления. В определенной мере она была вынужденной. Русские частные банки с неохотой осваивали новые рынки, с трудом шли на риск, отдавая предпочтение проверенным, традиционным способам ведения дел. В этом смысле заграничные предприятия Поляковых были скорее исключением, нежели правилом. Заставить сколько-нибудь значительное большинство русских капиталистов принять участие в рискованных предприятиях на территории чужого государства было весьма трудно, тогда как англичане имели в таких делах значительный опыт. «В России, — писал по этому поводу Витте, — по условиям жизни нашей страны потребовалось государственное вмешательство в самые разнообразные стороны общественной жизни, что коренным образом отличает ее от Англии, например, где все предоставлено частному почину и личной предприимчивости и где государство только регулирует частную деятельность... Таким образом, функции государственной жизни в этих двух странах совершенно различны, а в зависимости от сего должны быть различны и требования, предъявляемые в них к лицам, стоящим на государственной службе, т. е. к чиновникам. В Англии класс чиновников должен только направлять частную деятельность, в России же, кроме направления частной деятельности, должен принимать непосредственное участие во многих отраслях общественно-хозяйственной деятельности» [Власть и реформы..., 1996, с. 416]. Здесь вторил Витте его оппонент В. И. Гурко, который писал, что «у нас не только не было свободных средств и людской предприимчивости, а наоборот, острый недостаток тех и других даже для удовлетворения наших внутренних потребностей в них. Приток к нам иностранных капиталов и иностранной промышленности этим и обуславливается. Сколько-нибудь широкая деятельность в области промышленности вне наших пределов могла быть, при таких условиях, осуществлена нами, во-первых, в явный ущерб использования наших собственных естественных богатств, а во-вторых, не в путях частной русской предприимчивости, а в порядке государственной или, вернее, правительственной деятельности, осуществляемой не людьми исключительно действительными и энергичными и не на частные средства, а на средства казенные и лишь немногими агентами, отдающими свой труд за определенное вознаграждение и лично не заинтересованными в том предприятии, к которому они привлечены... Привлечь русских людей и русский капитал к каким-либо экзотическим предприятиям было тем более трудно, что именно в эту эпоху, более чем когда-либо, всякий сколько-нибудь толковый и

нравственно устойчивый русский человек мог легко устроить свою судьбу и с выгодой пустить в оборот имеющиеся у него средства в самой России» [Гурко, 2000, с. 316]. Именно эта ситуация и вынуждала министра финансов создавать такие учреждения, как Учетно-ссудный банк Персии и Русско-Китайский банк.

Развернувшаяся в конце XIX в. борьба за железнодорожные концессии в Китае становилась все более ожесточенной и в конце концов стала угрожать самому принципу разделения этой страны на сферы влияния, поскольку практически все державы пытались выйти за границы собственных районов преобладания. Попыткой укрепить систему сфер влияния явилось обращенное в 1898 г. к России английское предложение заключить генеральное соглашение об этих сферах в отношении не только Китая, но и Турции. Формально Витте отнесся к этому положительно [Ротштейн, 1960, с. 450], но, насколько можно судить, он, по крайней мере до 1900 г., надеялся на то, что Россия расширит сферу своего влияния в Китае. Поэтому заключение формального соглашения, ограничивающего эту сферу, он, по всей видимости, не считал удобным, в чем, разумеется, не мог признать англичанам. Благоприятный момент договориться с давнишним соперником России практически на всем пространстве Азиатского материка был упущен. Подобная возможность вновь предоставилась спустя почти десять лет, когда Россия обладала уже гораздо меньшей свободой действий на международной арене.

Иного взгляда на вопрос о разделе сфер влияния в Цинской империи придерживались США, которые выступили в это время с предложением проводить в Китае политику «открытых дверей», что предусматривало отказ от обособления сфер влияния в Китае и фактически превращения их в колонии западных держав [Фурсенко, 1956]. Опасность такого рода наметилась уже в 1897 г. с приобретением Германией преимущественных прав в провинции Шаньдун, затем последовало англо-китайское соглашение по поводу долины Янцзы, а также аннексия Россией Квантунской области. Эту аннексию можно считать рецидивом «военного» подхода к политике внешней экспансии, от которого практически отмежевалась Россия, заключая в 1896 г. договор о гарантии территориальной целостности Китая. Выступая по отношению к китайскому правительству с антигерманских позиций и внешне осуждая захват Шаньдуна, Россия фактически одобрила эту аннексию, что не могло не отразиться негативным образом на русско-китайских отношениях.

С американским предложением политики «открытых дверей» были вынуждены согласиться практически все участники экономического «освоения» китайской территории, поскольку каждый из них понимал, что попытка полностью обособить свои фактические приобретения в Китае станет

сигналом к разделу территории Цинской империи с последующим весьма вероятным военным столкновением участников этого раздела. Формально же все западные державы выступали в качестве гарантов независимости и территориальной целостности Китая, что позволяло им с этих позиций выступать перед китайским правительством и добиваться различного рода привилегий для своих компаний и предпринимателей. Фактически сохранялся раздел Китая на сферы влияния, впрочем, как и опасность возникновения конфликта западных держав по указанному поводу. Эта опасность даже возрастала по мере того, как к участию в китайских делах постепенно стала возвращаться Япония.

После японо-китайской войны практически все основные западные державы выступили единым фронтом, вынудив Японию отказаться от аннексий в Китае и удовлетвориться контрибуцией, для выплаты которой Китай заключил у тех же западных держав соответствующий заем. Квантунская область, на которую тогда претендовала Япония, отошла впоследствии к России. Теперь же Япония, впервые заявившая о том, что она будет добиваться, наряду с западными державами, своего положения как субъекта мировой политики, претендовала на роль нового гаранта неприкосновенности китайской территории и стала искать себе союзников как на Западе, так и в лице самого Китая. В конце концов более всего в этом преуспела Англия, которая в свое время не оказалась в числе европейских стран, требовавших от Японии отказа от аннексии в Китае после японо-китайской войны. Антирусская направленность англо-японского сближения, а затем и их союза, была очевидна. Все это стало фактором английского давления на Россию.

Что касается англо-русских переговоров о разделе сфер влияния в Китае, то они в итоге свелись в 1899 г. к заключению частного железнодорожного соглашения, которое предусматривало предоставление России и Англии преимущественных прав на соискание железнодорожных концессий, соответственно, к северу и югу от Великой Китайской стены [Гримм, 1927, с. 137–139]. Это соглашение было воспринято в России как поражение русской дипломатии и «восточной» политики Витте в целом, поскольку ставило крест на русских планах расширения сферы влияния в Китае. Впрочем, сам министр финансов так не считал, насколько об этом можно судить, вплоть до 1900 г. [Романов, 1928, с. 80].

Сооружение Северо-Китайской железной дороги, которое явилось камнем преткновения в англо-русских отношениях, стало поводом и к ухудшению отношений между Петербургом и Пекином. Несмотря на то что китайские власти формально согласились на предоставление России арендных прав на Квантунскую область, они, чтобы продемонстрировать свое недовольство русской политикой, уступили право финансирования ее строительства английскому Гонконг-Шанхайскому банку, хотя ранее в него

уже вкладывались средства конкурента — Русско-Китайского банка. Впоследствии это обстоятельство позволило англичанам говорить о том, что дорога сооружалась исключительно на английские средства и фактически принадлежит Англии, хотя русско-английское соглашение по железнодорожным делам особо оговаривало то обстоятельство, что дорога не может перейти под английское управление, а будет находиться в ведении китайских чиновников. Впрочем, русская сторона, соглашаясь на такое условие, не могла не понимать, что это — всего лишь юридическая фикция.

Пример с сооружением Северо-Китайской железной дороги показывает относительную слабость позиций Русско-Китайского банка как учреждения, полностью зависящего от русского Министерства финансов. Если бы он имел большую самостоятельность в решении дел на месте, то мог бы с успехом конкурировать с Гонконг-Шанхайским банком. Там же, где власть русского правительства была фактически абсолютной, дела Русско-Китайского банка шли значительно лучше. Так, он весьма прибыльно под покровительством Министерства финансов спекулировал земельными участками на арендованной Россией территории Квантунской области [Лукоянов, 2000, с. 187]. Здесь в полной мере проявилось удобство двойственной природы банка. Витте мог заявлять, что банк — частное учреждение и министр финансов не может оказывать на него давление, хотя в других случаях финансовое ведомство воздействовало на «обычные» частные банки.

Захват в 1897 г. Германией Шаньдуна поставил перед другими европейскими державами, заинтересованными в китайских делах, вопрос о том, как следует реагировать на ее действия. Практически все они последовали примеру Германии. Таким образом, «мирный» период иностранной, в том числе русской, экспансии в Китае заканчивался. Несмотря на то что все захваты оформлялись официальными соглашениями, обстановка последних лет XIX в. означала, что в Пекине будут использовать любой малейший повод для того, чтобы избавиться от русской опеки и нейтрализовать влияние западных стран в целом.

Такая возможность предоставилась с началом «боксерского» восстания, движение зародилось в провинции Шаньдун и было направлено в первую очередь против западных миссионеров (убийство германских миссионеров в Шаньдуне дало Германии повод захватить эту провинцию). Однако деятельность западных компаний, прежде всего железнодорожных, также вызывала недовольство местного населения. Отношение китайских властей к повстанцам было противоречивым. С одной стороны, власти пытались бороться с движением, с другой — желали использовать «боксеров» в собственных интересах, стремясь избавиться от опеки западных держав. Примирительному отношению цинского двора к «боксерам» способствовало также то, что движение не носило (по крайней

мере в том, что касалось лозунгов) антиправительственного характера. Наоборот, «боксеры» провозглашали себя защитниками китайских властей от домогательств западных держав [Калюжная, 1978]. Захват «боксерами» Пекина и осада ими посольского квартала дали западным странам и Японии повод для вооруженного вмешательства в китайские дела. Россия, сперва пытавшаяся отмежеваться от совместного с другими державами выступления против Китая, рассчитывая таким образом сохранить свои отношения с цинским двором, в том числе и в экономической сфере, впоследствии была вынуждена присоединиться к участникам военной экспедиции [Романов, 1928, с. 249].

С этих пор те методы конкурентной борьбы, которые применялись уже западными странами, стремившимися к утверждению и закреплению своих позиций в Китае, отошли в прошлое. Практически все основные участники военной акции, которая сперва была направлена исключительно против повстанцев, а затем переросла в войну против Китая как государства, пытались использовать сложившуюся обстановку для усиления своих экономических позиций.

Русские войска в ходе военных действий против повстанцев и китайских войск заняли Северо-Китайскую железную дорогу, что немедленно вызвало протесты английской стороны и заявления о том, что дорога сооружалась на английские средства (что было не вполне верно) и должна перейти под английский контроль. Русская сторона просила о посредничестве в данном вопросе Германию, тем более что главнокомандующим экспедиционных сил в Китае был германский фельдмаршал Вальдерзее. По всей видимости, здесь присутствовал расчет на то, что это посредничество станет платой за фактическую (несмотря на все официальные попытки доказать обратное) поддержку, которую оказала Россия Германии в шаньдунском деле. Однако инструкции кайзера, данные главнокомандующему в Китае, сводились к тому, чтобы посредничество, оказываемое спорящим сторонам, было благосклонно скорее к Англии, нежели к России. Причиной было наметившееся в то время англо-германское сближение в китайских делах, которое выразилось в подписании соответствующего договора, направленного на недопущение раздела Китая. Причем Германией были даны Англии гарантии того, что она будет получать поддержку из Берлина до тех пор, пока немецким предпринимателям будет разрешен доступ в английскую зону влияния. В свою очередь Англии было необходимо на кого-то опереться в своем традиционном противостоянии с Россией, хотя в то же время действия первой из держав в Китае сразу после захвата Шаньдуна носили явно антигерманский характер [Die grosse Politik..., 1924].

Английская сторона придавала вопросу о Северо-Китайской железной дороге весьма большое значение и оказывала на своих германских партне-

ров дипломатический нажим с тем, чтобы не допустить предоставления России права удержать за собой дорогу после эвакуации из Китая экспедиционных сил. Английская дипломатия доходила до угроз в адрес Германии и указаний на то, что несоблюдение в данном вопросе английских интересов может стать причиной общего столкновения держав, участия в котором не избежит и Германия. Что же касается России, то она пыталась протестовать против английских притязаний, но без особых результатов [Сборник договоров и дипломатических документов..., 1906, с. 416–426]. Ей не на кого было опереться среди европейских держав. Франция как союзник не могла оказать ей здесь поддержки. Найти же себе новых партнеров, как это сделала Англия, Россия не смогла, да и вряд ли это было в тогдашних обстоятельствах возможно.

Сами русские власти (как в Китае, так и в Петербурге) не имели единого мнения относительно того, следует ли оставлять дорогу в русских руках. Если военные власти на месте считали, что Россия получила ее по праву войны и должна за собою закрепить, то в Главном штабе полагали, что дислоцированные там войска целесообразнее использовать в других местах [РГИА...; Красный архив, 1934, с. 33]. Противником уступок английской стороне выступал и Витте, но сделать он ничего не мог. В ходе переговоров стороны пришли к соглашению, по которому Россия должна была передать дорогу Германии как посреднику в этом вопросе. Последняя и определяла дальнейшую ее передачу в руки китайских властей, а фактически — англичанам. Оговоренная Россией формальность по сути ничего не меняла. Надежды России на германское посредничество оказались необоснованными.

Таким образом, Россия не смогла военным путем добиться того, чего безуспешно добивалась методами экономическими — закрепить за собой важную железнодорожную магистраль на границе своей сферы влияния в Китае и расширить тем самым железнодорожную сеть, которую могла бы контролировать. Впоследствии тем обстоятельством, что сфера влияния России в Северо-Восточном Китае сузилась, попыталась воспользоваться Япония, которая стала настаивать на объединении японских железных дорог в Корею с КВЖД и Северо-Китайской железной дорогой, что могло в перспективе причинить значительный ущерб русской торговле в Китае. С. Ю. Витте пытался урегулировать русско-японские разногласия по данному вопросу, но время было упущено, поскольку все это происходило накануне Русско-японской войны [Романов, 1928, с. 427].

Опиравшаяся на государственную поддержку предпринимательская деятельность России в Китае должна была оказаться зависимой от политического курса и расстановки политических сил на Дальнем Востоке. «Государственный» характер этой деятельности был связан как с этатистской

направленностью политики С. Ю. Витте в целом, так и с особенностями, присущими русскому предпринимательству тех лет. Недоверие к частной инициативе и стремление использовать предпринимательские методы во имя достижения политических целей были вообще характерны для большинства представителей бюрократической элиты России, связанных с выработкой и установлением экономического курса.

Весьма успешно начатая с учреждением Русско-Китайского банка, с сооружением КВЖД, а также с участием в акционерных предприятиях различных провинций Цинской империи Китая русская политика экспансии с течением времени стала испытывать все большее сопротивление со стороны конкурентов — прежде всего Англии и отчасти Германии. Осуществлявшееся С. Ю. Витте «мирное проникновение» в Китай, ставшее одной из составных частей его «системы», сталкивалось со все большими трудностями. «Ставка Витте на эффективную деятельность казенных капиталов благодаря их концентрации и объему в итоге не принесла того успеха, на который рассчитывал министр финансов. Впрочем, общую неудачу нельзя вменить в вину только Витте, так как исход дела определялся недостаточностью российских финансовых ресурсов в целом для реализации столь амбициозных замыслов. Но надо признать, что эффективность деятельности Русско-Китайского банка была не настолько высока, чтобы отдать этому кредитному учреждению безусловную пальму первенства в сравнении с частным капиталом» [Лукоянов, 2000, с. 188–189].

Русское «государственное предпринимательство» постепенно стало проигрывать в борьбе за китайский рынок своим соперникам, свидетельством чего выступило сперва отеснение России за Великую Китайскую стену в 1898 г., а затем — ее неспособность отстоять свои интересы в железнодорожном вопросе после того, как большинство держав приняло участие в подавлении «боксерского» восстания. Провал планов Витте по использованию средств государственного казначейства для осуществления предпринимательских проектов в Китае вызвал к жизни схожие, но направленные против министра финансов замыслы «безобразовского кружка», которые еще более осложнили международную обстановку на Дальнем Востоке и стали следующим, уже решающим шагом на пути к Русско-японской войне.

Таков определенный этап в развитии международных экономических отношений России, в том числе связанных с проблемами руководства экономикой. Ему был присущ ряд характерных особенностей, предусматривавших ограничение суверенитета страны, в которой осуществляли свои предприятия «великие державы», политику диктата по отношению к этой стране, высокую степень вмешательства государства в вопросы экономического управления.

Литература

- Ананьич Б. В. Российское самодержавие и вывоз капиталов 1895–1914 гг. (По материалам Учетно-ссудного банка Персии). Л.: Наука, 1975.
- Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996.
- Гримм Э. Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). М.: Изд-во Коммунистической академии, 1927.
- Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М.: Новое литературное обозрение, 2000.
- Калюжная Н. М. Восстание ихэтуаней (1898–1901). М.: Наука, 1978.
- Красный архив. 1934. Т. 2 (63).
- Лукоянов И. В. Русско-Китайский банк (1895–1904 гг.) // Нестор. 2000. № 2. С. 187–202.
- Романов Б. А. Россия в Маньчжурии (1892–1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л.: Государственная академическая типография, 1928.
- Романова Г. Н. Экономические отношения России и Китая на Дальнем Востоке XIX — начало XX в. М.: Наука, 1987.
- РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 560. Оп. 28. Д. 46. Л. 84–89, 96об–97.
- Ротштейн Ф. А. Международные отношения в конце XIX века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960.
- Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока. 1895–1905 гг. СПб.: Типография А. М. Менделевича, 1906.
- Фурсенко А. А. Борьба за раздел Китая и американская доктрина открытых дверей. 1895–1900. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956.
- Die grosse Politik der europäischen Kabinette 1871–1914.* Bd. 16. Berlin, 1924.

Статья поступила в редакцию 26 октября 2005 г.